Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2026–2027 учебный год

Муниципальный этап

Комплект заданий для учащихся 7-8 классов

Задания выполняются в течение 135 минут

ЗАДАНИЕ 1. Выполните целостный анализ рассказа Л. Лагина «Ошибка Матвея». Лазарь Лагин известен как автор сатирических и детских произведений, создатель «Старика Хоттабыча». Рассказ «Ошибка Матвея» был опубликован в сборнике «Обидные сказки». Покажите, как название сборника и рассказа связаны с авторским замыслом. Какую роль в раскрытии этого замысла играет прямая отсылка к «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина? Обратите внимание на повторяющиеся вопросы и на столкновение лексики разных стилей. Определите, что именно становится объектом авторской иронии. Покажите, как в тексте соединяются черты волшебной сказки и притчи. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст, а не ответы на вопросы.

Лазарь Лагин (1903 — 1979)

Ошибка Матвея

Жил старик по имени Матвей. Жил неплохо. Скажем больше, жил хорошо. Даже лучше, чем ему позволяли средства.

Вот Матвей как-то утром проснулся, и что же он видит! Он видит, куры у него стали деньги клевать. То все не клевали – не клевали, а тут вдруг как заклюют!

«Господи, – думает Матвей, – хоть бы тут поблизости море какое оказалось. Я бы тогда в то море закинул невод, вытащил бы Золотую рыбку и кардинально поправил свое пошатнувшееся материальное положение».

Смотрит, а у самых его ног волны плещут. Матвей моментально закинул невод в те волны и вытащил Золотую рыбку.

А Матвей был хорошо грамотный, Пушкина любил с детских лет, а особенно «Сказку о рыбаке и рыбке». Он ее, наверно, миллион раз прочел. Наизусть помнил.

Все-таки для верности решил уточнить.

– Ты, – спрашивает, – та самая Золотая рыбка?

– Та самая. И я уже знаю, что у тебя с сего утра куры стали деньги клевать. Надеюсь, ты усвоил основную идею знаменитой сказки Александра Сергеевича?

Матвей говорит:

– Еще как!

– Значит, – это уже рыбка говорит, – нечего нам с тобою зря время переводить. Я исполню одно твое желание, а ты меня за это в море отпусти. Только хорошенько подумай. Я после той муторной истории с известной тебе Старухой только одно желание выполняю. И только один раз… Говори же свою мечту, поторапливайся. Мне на воздухе кислорода не хватает.

Матвей спрашивает:

– А уточнить можно?

Рыбка говорит:

– Уточняй. Только побыстрее!

Матвей спрашивает:

– Деньги просить можно?

Рыбка говорит:

– Конечно, можно. Сколько?

Матвей спрашивает:

– А сколько можно?

Рыбка говорит:

– Поторапливайся, Матвей! Мне трудно дышать. Уточняй, и дело с концом!

Матвей говорит:

– А я и уточняю. Сто рублей можно? Это я еще не прошу, а только уточняю.

Рыбка его торопит:

– Дать тебе сто рублей? Дать или нет?

Матвей спрашивает:

– А двести? Я пока еще не прошу, а только уточняю.

Рыбка его пуще прежнего торопит:

– Не томи, человече! Сказывай, сколько!..

А Матвей начитанный, знает, что рыбка от него не имеет права ускользать, пока его желание не выполнит. Ничего ей, думает, не сделается, потерпит.

Он говорит:

– А если, скажем, пятьсот рублей, как тогда?

А Золотая рыбка не отвечает. Глянь, у нее уже глаза заволокло, и она уже в руках его не трепещет. Раскрыла, бедная, рот да так и не запахнула.

– Ладно, – уж только на всякий случай говорит Матвей, – давай пятьсот и по рукам.

А сам понимает, что плакали его денежки, что Золотая рыбка уснула, а по-научному выражаясь, отдала концы.

Вздохнул Матвей, зашвырнул Золотую рыбку в море подальше, а сам поплелся домой.

Ему что. Присмирел. Стал жить по средствам. Счеты завел. Костяшками на счетах пощелкивает, подведет баланс и живет совсем неплохо. И куры у него уже давно снова денег не клюют…

Рыбку жалко!

1959

ЗАДАНИЕ 2. Представьте, что Вы — молодой журналист, которому удалось взять последнее интервью у А.С. Пушкина незадолго до смерти. Напишите статью для журнала с диалогом из трёх Ваших вопросов и трёх развёрнутых ответов от лица писателя. Составьте текст интервью, соблюдая следующие условия:
1. Первый вопрос должен затрагивать биографию А. С. Пушкина.
2. Второй вопрос должен касаться произведения писателя.
3. Третий вопрос на Ваш выбор. Например, о предназначении поэта, о памяти потомков, о том, что он хотел бы сказать юному читателю.
Включите в текст описание деталей обстановки, мимики, жестов и интонаций А. С. Пушкина во время разговора. Помните: в ответах писателя важно сохранить его творческую манеру.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2026–2027 учебный год

Муниципальный этап

Комплект заданий для учащихся 9 классов

Задания выполняются в течение 270 минут

ЗАДАНИЕ 1. Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Константин Случевский (1837—1904)

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарёю плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от неё не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони её! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас — то здесь, то там — тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна всё-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

1898

Юрий Нагибин (1920 – 1994)

Заброшенная дорога

Был ли в яви или только приснился мне этот странный мальчик, овеянный нежностью и печалью нездешности, как Маленький принц Антуана де Сент-Экзюпери? Я знаю, что он был, как было и булыжное шоссе, заросшее подорожником, лопухами, репейником, конским щавелем, чайной ромашкой; но даже если б этот мальчик принадлежал сну, он затронул мою душу неизмеримо сильнее многих других людей, чья грубая очевидность не вызывает сомнения.

Часто бывает, что чудеса находятся возле нас — протяни руку и возьми, а мы и не подозреваем об этом! Тот день начался с маленького чуда: оказалось, низинный сыроватый ольшаник, примыкавший с севера к дачной ограде, сказочно богат грибами свинушками. Грибы стояли в лезвистой осоковатой траве не то что табунками — они сливались в сплошные изжелта-бурые поля. Маленькие подсвинки с белой подкладкой аккуратных круглых шляпок соседствовали с гигантами, похожими на вывернутые ветром зонтики, каждая воронка хранила каплю росной влаги. Я набивал свинушками рубаху, бегом относил их домой и возвращался в лес.

Помимо грибов, ольшаник кишмя кишел лягушками; не раз, протягивая руку к ножке гриба, я касался противно-холодного тела, мгновенно проскальзывающего под пальцами. Можно было подумать, что грибы и лягушки пребывают в некой таинственной связи, обеспечивающей им избыточное бытие.

Как и всегда бывает во время счастливого грибного промысла, я становился все разборчивее: меня уже не радовали большие, квелые грибы, я срывал лишь маленькие, резиново-твердые, затем уже среди них я стал выбирать самые ладные и чистенькие крепыши. Эти разборчивые поиски завели меня в глубь леса. Грибов вскоре стало куда меньше, затем они и вовсе исчезли, но я не жалел об этом, пресыщенный чрезмерностью удачи. Меня увлекло странствие по незнакомому лесу, менявшему свой облик по мере удаления от дачи.

Низина сменилась возвышенностью, почва под ногами окрепла, и болотные травы уступили место папоротникам и хвощам. А затем сумеречный, веющий сыростью и прелью ольшаник и вовсе сошел; светло, молочно забелели березы, жемчужно заяснели осины, под ними шелково натянулась густая низкая трава, задымились столбы солнечного света, косо павшие на лес.

Я вытряхнул грибы из рубашки и надел ее на себя, безнадежно замаранную, приятно и остро пахучую от свинушек, и двинулся дальше. Радостно-тревожное чувство владело мною: я знал, что ушел не так уж далеко и все же куда сильнее оторвался от дома, чем если бы забрел в последнюю даль по знакомой, проторенной тропке. Загадочен был этот

светлый, чистый березовый и осиновый лесок, выкроивший себе немалую площадь посреди ольшаника. Ведь ни березы, ни осины не имели выхода в простор. Я хорошо знал окрестность: и со стороны Дмитровского шоссе, и со стороны нашей дачи, и со стороны кочкастого болота, тянущегося за горизонт, лесные опушки были сплошь ольховые.

Чем дальше я шел, тем плотнее росли деревья, узкие прозоры между ними забил валежник, трава поднялась, стала в пол моего роста, а стройные, розовые, похожие на свечи цветы вознеслись куда выше моей головы, и все труднее пробираться вперед, и чуть посмерклось, потому что дымно-голубые столбы не могли пробиться сквозь теснотищу куп. И тут я набрел на этого мальчика, и свершилось главное чудо дня.

Небольшой, худенький, с узким лицом, загороженным круглыми очками в толстой черепаховой оправе, он полол, словно огородную гряду, невесть откуда взявшееся тут густо заросшее булыжное шоссе. Он уже расчистил довольно широкую полосу, и там плотно, крепко круглились сероватые в просинь и розоватость лобастые булыжники, а дальше шоссе терялось в густой поросли сорняков. Мальчик не только полол шоссе, он укреплял его по краям, вколачивая самодельной трамбовкой булыжники в гнезда.

— Здравствуй, — сказал он, обернувшись и доброжелательно глядя на меня большими коричневыми глазами из-за круглых плоских стекол оконной прозрачности.

— Здравствуй, — отозвался я. — Зачем ты носишь очки? У тебя же простые стекла.

— От пыли. Когда ветрено, дорога пылит, а у меня конъюнктивит, — пояснил он с гордостью.

— А что это за дорога? Я никогда ее раньше не видел.

— Не знаю… Ты не хочешь мне помочь?

Я пожал плечами и, нагнувшись, выдрал куст чертополоха с темно-красными цветами и цепкими шипиками. Затем я потащил какое-то длинное растение с сухими темными коробочками семенников, будто наполненными ватой. Растение не поддавалось, вцепившись в землю длиннющими волосяно-тонкими корнями. Я изрезал ладони, пока наконец вырвал его из земли. Да, это была работка! Недаром же у очкастого мальчика руки были в кровяных ссадинах. Мой пыл разом угас.

— Слушай, а зачем тебе это нужно? — спросил я.

— Ты же видишь, дорога заросла. — Он говорил, стоя на коленях, и щепкой выковыривал из земли какой-то корень. — Надо ее расчистить.

— А зачем? — упорствовал я.

— Ну как же!.. — У него был вежливый, мягкий и терпеливый голос. — Цветы и травы своими корнями разрушают дорогу. Раньше булыжник лежал к булыжнику, а теперь видишь, какие щели!..

— Я не о том!.. Зачем надо, чтобы она не разрушалась?

Он осторожно, за дужку, снял очки, ему хотелось получше рассмотреть человека, задающего такие несуразные вопросы, а припылившиеся стекла только мешали. Его не защищенные очками глаза оказались в еле приметном красном обводе, будто кто-то провел по векам тончайшей кисточкой. Видимо, это он и называл так звучно: «конъюнктивит».

— Если дорога разрушится, она исчезнет, и никто не узнает даже, что тут была дорога.

— Ну и черт с ней! — сказал я раздраженно. — Она все равно никуда не ведет!

— Все дороги куда-нибудь ведут, — сказал он с кроткой убежденностью и, водворив очки назад, принялся за работу. — Посуди сам, разве стали бы ее строить, если б она никуда не вела?

— Но раз ее забросили, значит, она не нужна?

Он задумался, чуть перекосив худенькое лицо, и даже перестал выдергивать цветы и травинки. В его коричневых глазах появилась боль — так трудно вложить в чужую душу самые простые и очевидные истины!

— Разве мы знаем, почему дорогу забросили?.. А может быть, кто-то на другом конце тоже пробует ее расчистить? Кто-то идет мне навстречу, и мы встретимся. Нельзя дорогам зарастать, — сказал он твердо. — Я обязательно ее расчищу.

— У тебя не хватит сил.

— У меня одного — нет. Но кто-то идет мне навстречу и, может быть, прошел уже пол пути…

— Далась тебе эта дорога!

— Дороги — это очень важно. Без дорог никто никогда не будет вместе.

Смутная догадка шевельнулась во мне:

— У тебя кто-нибудь уехал далеко?

Он не ответил и отвернулся.

— Я буду тебе помогать! — неожиданно для себя самого вскричал я.

— Спасибо! — сказал он искренне, но без излишней горячности. — Приходи сюда завтра утром, сегодня уже поздно: пора домой.

— А где ты живешь?

— Там… — махнул он на чащу, поднялся, вытер ладони пучком травы, спрятал очки в карман, в последний раз погрузил меня в доброту своих коричневых глаз и пошел прочь, перепачканный, усталый, тщедушный, непреклонный дорожный строитель, и вскоре скрылся за кустами жимолости.

На другой день ни свет ни заря я устремился в лес. Непролазный, оплетенный долгими травами ольшаник в туманном выпоте, густых испарениях, оседавших влагой на коже, походил не то на джунгли, не то на дно схлынувшего моря. Ночью шел дождь, он дал могучий прирост всей жизни в природе: вытянулись, ярче зазеленели осоты; свинушки, будто я и не произвел вчера опустошения, так и перли из травы свежей прожелтью; в каждой лягушке скрывалась заколдованная принцесса — так были они

величавы, исполнены надменности и нежелания посторониться.

Я мчался сквозь ольшаник, сам мокрый с головы до пят, охваченный жгучим нетерпением и умиленный предвкушением встречи с мальчиком на заросшем булыжном шоссе, — его вера уже стала моей верой. Я был уверен, что без труда отыщу шоссе, ведь это так просто: все прямо и прямо сквозь ольшаник, березовый и осиновый редняк и другой березовый лесок, забитый буреломом, и там обнажится чистая полоска синеватого и розового булыжника.

…Я так и не нашел заброшенного шоссе. Все было похоже на вчерашнее: и деревья, и травы, и валежник, и репьевые заросли, и розовые свечи высоких цветов, но не было ни шоссе, ни мальчика с коричневыми глазами. До заката мыкался я по лесу, измученный, голодный, с иссеченными травой и сушняком ногами, но все было тщетно…

Мне никогда уж не попадалось ни заброшенного шоссе, ни проселка, ни даже стежки, что нуждались бы в моем спасающем труде. Но с годами я по-иному понял наставление мальчика. В моем сердце начиналось много дорог, ведущих к разным людям: и близким, и далеким, и к тем, о ком ни минуты нельзя забыть, и к почти забытым. Вот этим дорогам был я нужен, и я стал на вахту. Я не жалел ни труда, ни рук, я рвал напрочь чертополох, и крапиву, и всю прочую нечисть, не давал сорнякам глушить, разрушать их, превращать в ничто. Но если я преуспевал в этом, то лишь потому, что всякий раз с другого конца дороги начиналось встречное движение. Лишь одну, самую важную дорогу не дано мне было спасти, быть может, потому, что никто не шевельнулся мне навстречу.

1969

ЗАДАНИЕ 2. Представьте, что Вы — молодой журналист, которому удалось взять последнее интервью у Н. В. Гоголя незадолго до смерти. Напишите статью для журнала с диалогом из трёх Ваших вопросов и трёх развёрнутых ответов от лица писателя. Составьте текст интервью, соблюдая следующие условия:

1. Первый вопрос должен затрагивать биографию Н. В. Гоголя.
2. Второй вопрос должен касаться произведения писателя.
3. Третий вопрос на Ваш выбор. Например, о роли смеха в искусстве, о будущем русской литературы, о том, каким он хочет остаться в памяти читателей.

Включите в текст описание деталей обстановки, мимики, жестов и интонаций Н. В. Гоголя во время разговора. Помните: в ответах писателя важно сохранить его творческую манеру.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2026–2027 учебный год

Муниципальный этап

Комплект заданий для учащихся 10 классов

Задания выполняются в течение 270 минут

ЗАДАНИЕ 1. Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Борис Рыжий (1974–2001)

На смерть поэта

Я так люблю иронию мою.
И жизнь воспринимаю как удачу —
в надежде на забвенье, словно чачу,
ее хотя и морщуся, но пью.

Я убивал, а вы играли в дум
до членов немощных изнеможенья.
И выдавало каждое движенье,
как заштампован ваш свободный ум.

А вы меня учили — это зал,
кулисы, зритель, прочие детали.
Вы жили, потому что вы играли.
Я жил, и лишь поэтому играл.

Вы там, не сцене, многое могли.
А я об стену бился лбом бесславным.
Но в чем-то самом нужном, самом главном
вы мне невероятно помогли.

Я, мнится, нечто новое привнес
в поэзию, когда, столкнувшись с вами,
воспользовался вашими словами,
Как бритвой, отвращения не без.

1997

Примечание:

Дум (Doom) — серия компьютерных игр в жанре шутера от первого лица. Первая игра из серии вышла в 1993 году, была популярна в 1990-х.

Илья Ильф и Евгений Петров

Костяная нога

Очень трудно покорить сердце женщины.

А ведь чего только не делаешь для выполнения этой программы! Уж и за руку берешь, и грудным голосом говоришь, и глаз не сводишь.

И ничто не помогает. Ну, не любят тебя, не верят! И опять все надо начинать сначала. Честное слово, каторжный труд при звездах и при луне.

Из Москвы в Одессу приехал отдыхать молодой доктор.

Когда у него впервые в жизни оказались две свободные недели, он внезапно заметил, что мир красив и что население тоже красиво, особенно его женская половина. И он почувствовал, что если сейчас же не примет решительных мер, то уже никогда в жизни не будет счастлив, умрет вонючим холостяком в комнате, где под кроватью валяются старые носки и бутылки.

Через несколько дней молодой медик гулял с девушкой по сильно пересеченной местности на берегу моря.

Он изо всех сил старался понравиться. Конечно, говорил грудным и страстным голосом, конечно, нес всякий вздор, даже врал, что он челюскинец и лучший друг Отто Юльевича Шмидта. Он предложил руку, комнату в Москве, сердце, отдельную кухню и паровое отопление. Девушка подумала и согласилась.

Здесь опускаются восемь страниц художественного описания поездки с любимым существом в жестком вагоне. (Прилагается только афоризм: лучше с любимой в жестком, чем одному в международном.)

А в Москве купили ветку сирени и пошли в загс расписываться в собственном счастье.

Известно, что такое загс. Не очень чисто. Не очень светло. И не так чтобы уж очень весело, потому что браки, смерти и рождения регистрируются в одной комнате. Когда доктор со своей докторшей, расточая улыбки, вступил в загс, то сразу увидел на стене укоризненный плакат:

ПОЦЕЛУЙ ПЕРЕДАЕТ ИНФЕКЦИЮ

Висели еще на стене адрес похоронного бюро и заманчивая картинка, где были изображены в тысячекратном увеличении бледные спирохеты, бойкие гонококки и палочки Коха. Очаровательный уголок для венчания.

В углу стояла грязная, как портянка, искусственная пальма в зеленой кадушке. Это была дань времени. Так сказать, озеленение цехов. О таких штуках вечерняя газета пишет с еле скрываемым восторгом: «Сухум в Москве. Загсы принарядились».

Служащий загса рассмотрел документы юной пары и неожиданно вернул их назад.

— Вас нельзя зарегистрировать.

— То есть как нельзя? — забеспокоился доктор.

— Нельзя, потому что паспорт вашей гражданки выдан в Одессе. А мы записываем только по московским паспортам.

— Что же мне делать?

— Не знаю, гражданин. По иногородним паспортам не регистрируем.

— Значит, мне нельзя полюбить девушку из другого города?

— Не кричите вы, пожалуйста. Если все будут кричать…

— Я не кричу, но ведь выходит, что я имею право жениться только на москвичке. Какое может быть прикрепление в вопросах любви?

— Мы вопросами любви не занимаемся, гражданин. Мы регистрируем браки.

— Но какое вам дело до того, кто мне нравится? Вы что же, распределитель семейного счастья здесь устроили? Регулируете движения души?

— Потише, гражданин, насчет регулирования движения!

— Вы растаптываете цветы любви! — завизжал доктор.

— А вы не хулиганьте здесь!

— А я вам говорю, что вы растаптываете!

— А вы не нарушайте порядка.

— Я нарушаю порядок? Значит, любовь уже больше не великое чувство, а просто нарушение порядка? Хорошо. Пойдем отсюда, Люся.

Очутившись на улице, незадачливый кандидат в мужья долго не мог успокоиться.

— Разве это люди? Разве это человек? Ведь это баба-яга костяная нога! Что мы теперь будем делать?

Он так волновался, что девушке стало его жалко.

— Знаешь что, — сказала она, — ты меня любишь, и я тебя люблю. Ты не ханжа, и я не ханжа. Будем жить так.

Действительно, если вдуматься, то с милым рай и в шалаше.

Стали жить «так».

Но с милым рай в шалаше, товарищи, возможен только в том случае, если милая в шалаше прописана и занесена шалашеуправлением в шалашную книгу. В противном случае возможны довольно мрачные варианты.

Любимую не прописали в доме, потому что у нее не было московского паспорта. А московский паспорт она могла получить только как жена доктора. Женой доктора она была. Но загс мог признать ее женой только по предъявлении московского паспорта. А московский паспорт ей не давали потому, что они не были зарегистрированы в загсе. А жить в Москве без прописки нельзя. А…

Таким образом, рай в шалаше на другой же день превратился в ад. Люся плакала и при каждом стуке в дверь вздрагивала — вдруг появятся косматые дворники и попросят вон из шалаша. Доктор уже не ходил в свою амбулаторию. «Лучший друг» Отто Юльевича Шмидта представлял собой жалкое зрелище. Он был небрит. Глаза у него светились, как у собаки. Где ты, теплая черноморская ночь, громадная луна и первое счастье?!

Наконец он схватил Люсю за руку и привел ее в милицию.

— Вот, — сказал он, показывая пальцем на жену.

— Что вот? — спросил его делопроизводитель, поправляя на голове

войлочную каску.

— Любимое существо.

— Ну, и что же?

— Я обожаю это существо и прошу его прописать на моей площади.

Произошла тяжелая сцена. Она ничего не добавила к тому, что нам уже известно.

— Какие же еще доказательства вам нужны? — надрывался доктор. — Ну, я очень ее люблю. Честное слово, не могу без нее жить. И могу ее поцеловать, если хотите.

Молодые люди, не отводя льстивых взоров от делопроизводителя, поцеловались дрожащими губами. В милиции стало тихо. Делопроизводитель застенчиво отвернулся и сказал:

— А может, у вас фиктивный брак? Просто гражданка хочет устроиться в Москве.

— А может быть, не фиктивный? — застонал «счастливый» муж. — Об этом вы подумали? Вот вы за разбитое стекло берете штраф, а мне кого штрафовать за разбитую жизнь?

В общем, доктор взял высокую ноту и держал ее до тех пор, пока не выяснилось, что счастье еще возможно, что есть выход. Достаточно поехать к месту жительства любимой, снова в Одессу, всего только за тысячу четыреста двенадцать километров, и все образуется. С московским паспортом одесский загс зарегистрирует докторские порывы, и преступная любовь приобретет наконец узаконенные очертания.

Ну что ж, любовь всегда требует жертв. Пришлось пойти на жертвы — занимать деньги на билеты и выпрашивать дополнительный отпуск для устройства семейных дел.

Но доктор еще не знал самого страшного — не знал, что костяная нога сидит не только в загсе, что костяные ноги уже подстерегают его на вокзале.

Здесь опускается шестнадцать страниц драматического описания того, как молодые супруги опоздали на поезд. Что тут, собственно, описывать? Всем известно, что нет ничего легче в Москве, как опоздать куда-нибудь.

Посадив свою горемычную Люсю на чемодан, доктор побежал компостировать билеты. Эта авантюра ему не удалась. НКПС бдительно охранял железнодорожные интересы и отменил компостирование билетов.

— Что же теперь будет? — ахнул доктор.

— Ваши билеты пропали, — сообщила костяная нога. — Такое правило. Раз опоздали на поезд, значит, пропало.

— Что ж, мы нарочно опоздали?

— А кто вас знает? Это не наше дело, нарочно или не нарочно.

— Но ведь всегда компостировали, со дня основания железных дорог.

— А теперь другое правило, гражданин.

— Наконец, у меня нет больше денег. Теперь я не могу поехать.

Костяная нога корректно промолчала.

И человек, который злостно мешал спокойной работе ряда почтенных учреждений, шатаясь, побрел назад и, усевшись рядом со своей Люсей,

тяжело задумался. Он перебрал в памяти все свои поступки.

«Ну, что я сделал плохого? Ну, поехал в отпуск, ну, встретил хорошую девушку, ну, полюбил ее всей душой, ну, меня всей душой полюбили, ну, хотел жениться. И, понимаете, не выходит. Правила мешают».

Если создается правило, от которого жизнь советских людей делается неудобной, правило бессмысленное, которое выглядит нужным и важным только на канцелярском столе, рядом с чернильницей, а не с живыми людьми, можно не сомневаться в том, что его создала костяная нога, человек, представляющий себе жизнь в одном измерении, не знающий глубины ее, объема.

Если за учрежденским барьером сидит человек, выполняющий глупое, вредное правило, и если он, зная об этом, оправдывается тем, что он — человек маленький, то и он костяная нога. У нас нет маленьких людей и не может быть их. Если он видит, что правило ведет к неудобствам и огорчениям, он первый должен поставить вопрос о том, чтобы правило это было отменено, пересмотрено, улучшено.

А доктор? Куда девался милый, честный доктор? Кто его знает! Бегает, наверно, с какими-нибудь справками к костяной ноге, чтобы оформить свою затянувшуюся свадьбу. А возможно, и не бегает уже, утомился и махнул на все рукой. Любовь тоже не бесконечна. А может быть, и верная Люся бежала с каким-нибудь уполномоченным по закупкам в Сызрань или Актюбинск, где легче сочетаться браком.

Во всяком случае, ошибка была сделана доктором с самого начала.

Прежде чем прошептать милой: «Я вас люблю», — надо было решительно и сухо сказать: «Предъявите ваши документы, гражданка».

1934

ЗАДАНИЕ 2. Представьте, что Вы — молодой журналист, которому удалось взять последнее интервью у А. П. Чехова незадолго до смерти. Напишите статью для журнала с диалогом из трёх Ваших вопросов и трёх развёрнутых ответов от лица писателя. Составьте текст интервью, соблюдая следующие условия:

1. Первый вопрос должен затрагивать биографию А. П. Чехова.
2. Второй вопрос должен касаться произведения писателя.
3. Третий вопрос на Ваш выбор. Например, о театре, о молодых писателях, о том, что бы он пожелал будущим читателям.

Включите в текст описание деталей обстановки, мимики, жестов и интонаций А. П. Чехова во время разговора. Помните: в ответах писателя важно сохранить его творческую манеру.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2026–2027 учебный год

Муниципальный этап

Комплект заданий для учащихся 11 классов

Задания выполняются в течение 270 минут

ЗАДАНИЕ 1. Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Владимир Набоков (1899-1977)

Все, от чего оно сжимается,
миры в тумане, сны, тоска
и то, что мною принимается
как должное, — твоя рука;

все это под одною крышею
в плену моем живет, поет,
но сводится к четверостишию,
как только ямб ко дну идет.

И оттого, что — как мне помнится —
жильцы родного словаря
такие бедняки и скромницы:
холм, папоротник, ель, заря,

читателя мне не разжалобить,
а с музыкой я незнаком,
и удовлетворяюсь, стало быть,
ничьей меж смыслом и смычком.
. . . . . .
«Но вместо всех изобразительных
приемов и причуд, нельзя ль
одной опушкой существительных
и воздух передать, и даль?»

Я бы добавил это новое,
но наподобие кольца
сомкнуло строй уже готовое
и не впустило пришлеца.

1953

Леонид Андреев (1871–1919)

Бен-Товит

В тот страшный день, когда совершилась мировая несправедливость и на Голгофе среди разбойников был распят Иисус Христос — в тот день с самого раннего утра у иерусалимского торговца Бен-Товита нестерпимо разболелись зубы. Началось это еще накануне, с вечера: слегка стало ломить правую челюсть, а один зуб, крайний перед зубом мудрости, как будто немного приподнялся и, когда к нему прикасался язык, давал легкое ощущение боли. После еды боль, однако, совершенно утихла, и Бен-Товит совсем забыл о ней и успокоился, — он в этот день выгодно выменял своего старого осла на молодого и сильного, был очень весел и не придал значения зловещим признакам.

И спал он очень хорошо и крепко, но перед самым рассветом что-то начало тревожить его, как будто кто-то звал его по какому-то очень важному делу, и, когда Бен-Товит сердито проснулся — у него болели зубы, болели открыто и злобно, всею полнотою острой сверлящей боли. И уже нельзя было понять, болел ли это вчерашний зуб, или к нему присоединились и другие: весь рот и голова полны были ужасным ощущением боли, как будто Бен-Товита заставили жевать тысячу раскаленных докрасна острых гвоздей. Он взял в рот воды из глиняного кувшина, — на минуту ярость боли исчезла, зубы задергались и волнообразно заколыхались, и это ощущение было даже приятно по сравнению с предыдущим. Бен-Товит снова улегся, вспомнил про нового ослика и подумал, как бы был он счастлив, если бы не эти зубы, и хотел уснуть. Но вода была теплая, — и через пять минут боль вернулась еще более свирепая, чем прежде, и Бен-Товит сидел на постели и раскачивался, как маятник. Все лицо его сморщилось и собралось к большому носу, а на носу, побледневшем от страданий, застыла капелька холодного пота. Так, покачиваясь и стеная от боли, он встретил первые лучи того солнца, которому суждено было видеть Голгофу с тремя крестами и померкнуть от ужаса и горя.

Бен-Товит был добрый и хороший человек, не любивший несправедливости, но, когда проснулась его жена, он, еле разжимая рот, наговорил ей много неприятного и жаловался, что его оставили одного, как шакала, выть и корчиться от мучений. Жена терпеливо приняла незаслуженные упреки, так как знала, что не от злого сердца говорятся они, и принесла много хороших лекарств: крысиного очищенного помета, который нужно прикладывать к щеке, острой настойки на скорпионе и подлинный осколок камня от разбитой Моисеем скрижали Завета. От крысиного помета стало несколько лучше, но ненадолго, так же от настойки и камешка, но

всякий раз после кратковременного улучшения боль возвращалась с новой силой. И в краткие минуты отдыха Бен-Товит утешал себя мыслью об ослике и мечтал о нем, а когда становилось хуже — стонал, сердился на жену и грозил, что разобьет себе голову о камень, если не утихнет боль. И все время ходил из угла в угол по плоской крыше своего дома, стыдясь близко подходить к наружному краю, так как вся голова его была обвязана платком, как у женщины. Несколько раз к нему прибегали дети и что-то рассказывали торопливыми голосами о Иисусе Назорее. Бен-Товит останавливался, минуту слушал их, сморщив лицо, но потом сердито топал ногой и прогонял: он был добрый человек и любил детей, но теперь он сердился, что они пристают к нему со всякими пустяками.

Было также неприятно и то, что на улице и на соседних крышах собралось много народу, который ничего не делал и любопытно смотрел на Бен-Товита, обвязанного платком, как женщина. И он уже собирался сойти вниз, когда жена сказала ему:

— Посмотри, вон ведут разбойников. Быть может, это развлечет тебя.

— Оставь меня, пожалуйста. Разве ты не видишь, как я страдаю? — сердито ответил Бен-Товит.

Но в словах жены звучало смутное обещание, что зубы могут пройти, и нехотя он подошел к парапету. Склонив голову набок, закрыв один глаз и подпирая щеку рукою, он сделал брезгливо-плачущее лицо и посмотрел вниз.

По узенькой улице, поднимавшейся в гору, беспорядочно двигалась огромная толпа, окутанная пылью и несмолкающим криком. По середине ее, сгибаясь под тяжестью крестов, двигались преступники, и над ними вились, как черные змеи, бичи римских солдат. Один, — тот, что с длинными светлыми волосами, в разорванном и окровавленном хитоне, — споткнулся на брошенный под ноги камень и упал. Крики сделались громче, и толпа, подобно разноцветной морской воде, сомкнулась над упавшим. Бен-Товит внезапно вздрогнул от боли, — в зуб точно вонзил кто-то раскаленную иглу и повернул ее, — застонал: «У-у-у», — и отошел от парапета, брезгливо-равнодушный и злой.

— Как они кричат! — завистливо сказал он, представляя широко открытые рты с крепкими неболеющими зубами, и как бы закричал он сам, если бы был здоров.

И от этого представления боль освирепела, и он часто замотал обвязанной головой и замычал: «М-у-у...»

— Рассказывают, что Он исцелял слепых, — сказала жена, не отходившая от парапета, и бросила камешек в то место, где медленно двигался поднятый бичами Иисус.

— Ну конечно! Пусть бы Он исцелил вот мою зубную боль, — иронически ответил Бен-Товит и раздражительно, с горечью добавил:— Как они пылят! Совсем как стадо! Их всех нужно бы разогнать палкой! Отведи меня вниз, Сара!

Жена оказалась права: зрелище несколько развлекло Бен-Товита, а быть может, помог в конце концов крысиный помет, и ему удалось уснуть. А когда он проснулся, боль почти исчезла, и только на правой челюсти вздулся небольшой флюс, настолько небольшой, что его едва можно было заметить. Жена говорила, что совсем незаметно, но Бен-Товит лукаво улыбался: он знал, какая добрая у него жена и как она любит сказать приятное. Пришел сосед кожевник Самуил, и Бен-Товит водил его посмотреть на своего ослика и с гордостью выслушивал горячие похвалы себе и животному.

Потом, по просьбе любопытной Сары, они втроем пошли на Голгофу посмотреть на распятых. Дорогою Бен-Товит рассказывал Самуилу с самого начала, как вчера он почувствовал ломоту в правой челюсти и как потом ночью проснулся от страшной боли. Для наглядности он делал страдальческое лицо, закрывал глаза, мотал головой и стонал, а седобородый Самуил сочувственно качал головою и говорил:

— Ай-ай-ай! Как больно!

Бен-Товиту понравилось одобрение, и он повторил рассказ и потом вернулся к тому отдаленному времени, когда у него испортился еще только первый зуб, внизу с левой стороны. Так в оживленной беседе они пришли на Голгофу. Солнце, осужденное светить миру в этот страшный день, закатилось уже за отдаленные холмы, и на западе горела, как кровавый след, багрово-красная полоса. На фоне ее неразборчиво темнели кресты, и у подножия среднего креста смутно белели какие-то коленопреклоненные фигуры.

Народ давно разошелся; становилось холодно, и, мельком взглянув на распятых, Бен-Товит взял Самуила под руку и осторожно повернул его к дому. Он чувствовал себя особенно красноречивым, и ему хотелось досказать о зубной боли. Так шли они, и Бен-Товит под сочувственные кивки и возгласы Самуила делал страдальческое лицо, мотал головой и искусно стонал, — а из глубоких ущелий, с далеких обожженных равнин поднималась черная ночь. Как будто хотела она сокрыть от взоров неба великое злодеяние земли.

1905

ЗАДАНИЕ 2. Представьте, что Вы — молодой журналист, которому удалось взять последнее интервью у А. А. Ахматовой незадолго до смерти. Напишите статью для журнала с диалогом из трёх Ваших вопросов и трёх развёрнутых ответов от лица поэтессы. Составьте текст интервью, соблюдая следующие условия:

1. Первый вопрос должен затрагивать биографию А. А. Ахматовой.
2. Второй вопрос должен касаться произведения поэтессы.
3. Третий вопрос на Ваш выбор. Например, об акмеизме, Серебряном веке, о том, какой она видит свою роль в русской культуре.

Включите в текст описание деталей обстановки, мимики, жестов и интонаций А. А. Ахматовой во время разговора. Помните: в ответах поэтессы важно сохранить её творческую манеру.